

Рецензии

Разочарованный голлист в Берлине

Claude Martin, "Quand je pense à l'Allemagne, la nuit", Éditions de l'Aube, Avignon, 2023 [Клод Мартен, "Когда ночью я думаю о Германии"].

II

В 2000-м году открылся непростой для Евросоюза этап. По многим направлениям Союз продвигался медленно: по мнению Мартена, институты потеряли эффективность и легитимность. Планируемое расширение (до 28 государств) привело бы к размыванию структуры: в результате ЕС никогда бы не продвинулся к политическому союзу, которого могла бы достичь лишь небольшая группа государств под руководством франко-германской оси.

Долгие дебаты касались институциональных реформ, среди которых особенную значимость имело изменение веса голосов стран-членов в Европейском совете и число представителей в Страсбурге – по этим вопросам Германия требовала, в силу своего демографического и экономического веса, увеличения представительства. Мартен, тем не менее, соглашался только на франко-немецкий паритет и уговаривал Ширака не уступать.

Блесхаймские ужины

Сложными были и взаимоотношения между Жаком Шираком и Герхардом Шрёдером. Канцлер восхищался Францией, но ему не нравился её вес в международных делах – несоразмерно большой, по его мнению, – а также он не был согласен на франко-немецкий паритет в Совете. Ширак не знал, как ему противостоять. Разногласия развивались и наконец проявились на Совете в Ницце в декабре 2000 года, который все расценили как неудачу: франко-германский паритет был сохранён, но Берлин смог вовлечь в свою игру также государства-кандидаты в члены Союза, и в результате был принят вариант Комиссии, в которой каждое государство имело бы по одному комиссару.

Тогда, чтобы создать доверительную атмосферу между президентом и канцлером, их команды организовали им регулярные ужины наедине. В январе 2001 года начался период «блесхаймских ужинов», как Мартен прозвал их по имени эльзасского местечка, где прошла первая встреча. Он пишет, что с тех пор отношения между Шираком и Шрёдером улучшились и впоследствии стали удовлетворительными.

К обсуждению этих вопросов присоединился Йошка Фишер, член партии «Зелёных» и министр иностранных дел, но особого успеха не добился: он самостоятельно выдвинул идею федеративного ЕС, которая заставляла французов морщить нос. Одной из тем, которая сближала Париж и Берлин, были отношения с Россией: Шрёдер сближался с Москвой, поддерживаемый немецкими капиталистами, на основе обмена энергоносителей на капитал, и Ширак с радостью последовал его примеру. Речь шла о том, чтобы избежать изоляции Кремля из-за чрезмерного расширения ЕС, за которым, к неудовольствию России, следовало НАТО.

Рейнская «законопослушность»

По европейским вопросам был создан Конвент для подготовки Конституционной хартии; его возглавил Жискарь д'Эстен, которого считали очень «надменным». От институтов было мало толку: Комиссию возглавлял Романо Проди, о котором Мартен высказывается нелестно из-за его сопротивления рейнской оси, а затем Жозе Баррозу, неспособный контролировать своих комиссаров; Парламент стал добычей партий и их аппаратчиков (которые часто переезжали в Страсбург после неудачи на национальном уровне).

Европейский контекст сопровождался мировым, с терактом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года и американской и натовской интервенцией в Афганистане. Сразу после этого последовала инициатива президента США Джорджа Буша против Ирака Саддама Хусейна.

Мартен не улавливает в этом аспекта «политической войны», т.е. цели прибрать к рукам энергетическую артерию в Персидском заливе, чтобы сдержать Европу и особенно Китай, но в то же время создать гарантию «открытых дверей» для энергетического сырья, конечно, под американским контролем. Не рассмотрел он и открывшейся перед Евросоюзом

возможности выработать независимую от США политику и ускорить процесс консолидации и централизации.

Вместо этого Мартен объясняет франко-германский выбор не участвовать в войне правовыми причинами: нельзя было нападать на суверенное государство, обвиняя его в разработке ядерного оружия, не имея надёжных доказательств и однозначного мандата ООН. Американская инициатива была односторонней, с призывом союзников к участию. Между строк (в отличие от других отрывков, где это выражено более явно и превращается в настоящую политическую антипатию) можно увидеть раздражение Мартена проамериканскими действиями Тони Блэра, человека с неясными убеждениями, в меньшей степени сторонника Европы, который скорее завидовал Рейнской оси.

Более того, Франция и Германия оказались в изоляции в ЕС, где Испания, Италия и восточноевропейские государства объединились с США. Вместо этого рейнская ось пошла на сближение с Россией Владимира Путина, готовой к диалогу даже по европейским делам, в которых проблема российского “ближнего зарубежья” и европейского и американского вторжения всё более обострялась.

Растяжение оси?

Что касается ЕС, то в октябре 2004 года была подписана Европейская конституция, которая стала результатом работы Конвенции.

К концу года возникли проблемы в Грузии и на Украине, где победили прозападные силы. Но и без этого отношения ЕС и НАТО с Россией становились политической проблемой. Путин, по словам Мартена, был не против расширения Союза, но против продвижения НАТО к российским границам. В ЕС, несмотря на требования восточных стран, Франция и Германия и другие страны запада Европы сохраняли крайнюю осторожность, учитывая также несоответствие Украины требованиям к вступлению в Союз. Ширак и Шрёдер защищали диалог с Россией. Но в НАТО США при поддержке восточноевропейских стран были полны решимости продолжать опасный процесс.

В начале 2005 года Ширак объявил о проведении во Франции референдума о принятии Европейской конституции. Мартен сказал президенту, что проголосовал бы “против”: Конституция ставит французскую политику Франции под контроль её европейских партнёров, что является неприемлемым для суверенитета. Бюджетная дисциплина должна была быть менее строгой и либеристской и чуть более кейнсианской. Во Франции, как и в Нидерландах, по результатам референдума Конституция была отвергнута, что вызвало критику в адрес Парижа даже со стороны Берлина.

В конце сентября 2005 года на выборах Шрёдер с небольшим отрывом проиграл Ангеле Меркель. Возникло правительство Большой коалиции во главе с новым канцлером. Меркель была динамичной личностью, интересующейся событиями, готовой учиться. Она была политическим зверем: ликвидировала Гельмута Коля, своего наставника, и задвинула его “наследника” Вольфганга Шойбле на второстепенные роли; в качестве фундамента для своей власти она заняла пост председателя ХДС; ей хорошо удавались манёвры, но политическую стратегию, по мнению Мартена, она ставила на второй план. Уроженка бывшей ГДР, она одобряла тандем с Францией, но не хотела слишком акцентировать его в европейских делах, прислушиваясь к мнению других членов Союза.

На Ширака она произвела хорошее впечатление, но сожаления об уходе Шрёдера остались. Канцлер испытывала симпатии к президенту, типичному французу, элегантному, остроумному и культурному. Она пыталась привлечь его к участию в проектах Союза, но Ширак приближался к концу своего второго срока и больше не желал прислушиваться к предложениям. Возможно, начал проявляться процесс расхождения рейнской оси, который длился уже некоторое время.

“Сломанный” двигатель

Шрёдер проводил политику экономических реформ для противостояния международным вызовам. Её продолжением стала *Agenda 2010*, реформа рынка труда. Электоральных дивидендов от этого он не получил, поскольку в самом начале реформ столкнулся с трудностями и разногласиями. Но он оставил Меркель сильную и конкурентоспособную страну. С другой стороны, Париж долгие годы отставал в этой области, будучи привязанным

к системе с большим весом государства и обширных социальных амортизаторов (или привилегий определённых категорий). Франция была слабее Германии, считает Мартен. Это отдалило две страны друг от друга.

К этому добавился уход со сцены Ширака и стремительный и нервный приход Николя Саркози, чьи позиции отличались от голлистских: он был атлантистом, вернул Францию в интегрированное командование НАТО и заставил парламент ратифицировать Лиссабонский договор, который был пересказом всё той же Конституции, отвергнутой на референдуме. Саркози пришёл к власти в момент, когда практически все в Европе уже осознали, что из-за расширения было упущено время, и энтузиазм, надежды и иллюзии угасали. Он встретился с Меркель: эти двое обладали противоположными характерами и не могли сработаться.

После отставки Ширака Мартен покинул посольство в Берлине, занялся дипломатией и наблюдал за европейскими делами издали. Немецкий двигатель всё больше ломался. То и дело обострялись грузинский и украинский вопросы, а вместе с ними и напряжённость в отношениях с Россией. Пятилетний срок Саркози закончился безрезультатно. Начался срок Франсуа Олланда, во время которого шаги в сторону рейнской оси казались не убедительными инициативами, а, по словам Мартена, заключительными танцевальными па разучившихся танцоров.

Разгромная критика

В завершении остановимся на четырёх моментах. В отношении греческого кризиса отметим не само изложение событий, и так известных, сколько суждение о Шойбле (оно относится к более раннему периоду, но вполне уместно): это блеклый портрет обиженного политика, всегда вынужденного играть второстепенные роли; жёсткого эконома-лютеранина, антифранцуза, застрявшего во времена Ганса Титмайера.

Говоря об украинском кризисе 2013–2014 годов и российской аннексии Крыма, Мартен обвиняет в слабых характеристиках Меркель и Олланда, которые не удержали НАТО от антироссийского проекта расширения. В результате Франция продолжила терять влияние и лицо.

На переговорах по Брекситу Мартен сочувственно отзывался о гордости британцев и попытках премьер-министра Терезы Мэй заключить сделку, против которой ЕС выступила с командой серых бухгалтеров, вместо того чтобы предложить Великобритании меньше жёсткости и меньше регулирования.

И наконец, язвительное суждение об Эмманюэле Макроне: *«Персонаж, появившийся из ниоткуда, способный изгибаться влево или вправо в зависимости от обстоятельств, думать и говорить противоположные вещи. У него не было никакой программы, кроме “новизны”. Этаким “новый” человек. К таким как он я всегда относился с недоверием. Мне посчастливилось знать Францию под командованием генерала де Голля. Это сделало меня требовательным»*. Макрон хотел вызывать восхищение, но лишь обнаруживал собственное невежество. Он создавал образ Франции, которая больше не знала, что она думает и где находится.

Сомневающийся даже в прежних целях де Голля и Аденауэра, пессимистично оценивая судьбу Европы и успокаиваясь лишь тем, что бывшие исторические враги, Франция и Германия, заключили мир после войны, Мартен в конце концов отказался давать собственную интерпретацию.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЕС-28

«Союз больше не представлял для наших двух стран более чем ограниченный интерес. Конечно, он должен был продолжать жить и развиваться, сохраняя всю свою символическую силу [...] обеспечил бы рамки и средства для реагирования на новые вызовы, с которыми мы сталкиваемся в таких областях, как здравоохранение, окружающая среда, энергетика, научные исследования, культура, образование, [...] но было ясно, что этот Союз, меняющийся по своей природе и размерам, не сможет воплотить в жизнь великую мечту “отцов-основателей”. Он никогда не станет ступенькой к политическому союзу. Если последний и имел смысл, то было хорошо известно, что его способно достичь лишь очень небольшое число государств, кто хотел и мог это сделать. До тех пор, Франция и Германия обладали бы

необходимыми средствами и влиянием, чтобы заставить слышать голос, который стал бы голосом Европы». (стр. 623–624)

Меркель и рейнская ось

«Несмотря на все её признания в “верности” наследию Конрада Аденауэра, Ангела Меркель больше не олицетворяла собой ХДС, ориентированный в первую очередь на Францию. Ей было трудно понять, почему по-прежнему необходимо полагаться на привилегированные двусторонние отношения с нами для строительства Европы. Тандем Ширак – Шрёдер казался ей “устаревшим” и теперь “мешал”. Она опасалась критики со стороны “других”, которым не нравилось это франко-германское сообщничество. В частности, поляков. Она не хотела их расстраивать». (стр. 801)

Январь 2024 г.